

Юлия
БУЗАКИНА

Его

ИСЧЕЗНУВШИЕ

Юлия Бузакина
Его исчезнувшие

«Литнет»

2025

Бузакина Ю.

Его исчезнувшие / Ю. Бузакина — «Литнет», 2025

— Сегодня был освобожден из-под стражи опальный прокурор Марат Сабиров, — озвучивает новость диктор. — Следственный комитет доказал его невиновность. Я сую дочке булочку и замираю. Не могу поверить, что по другую сторону экрана мой муж. «Бывший муж», — отзывается болезненным эхом внутри. Уже ничего не исправить. Только наша общая дочь, о которой он ничего не знает, прочной нитью связывает меня с прошлым, где я была женой прокурора. Мониторю глазами кадры с надеждой еще раз увидеть любимый силуэт. Но взамен на экране появляется красивая брюнетка. Узнаю когда-то лучшую подругу. Она виснет на шее у моего мужа, а я смотрю на экран, и сердце рвется в клочья... В книге есть: бывшие муж и жена, общая дочь, о которой никто не знает, настоящий мужчина сильные чувства, которые так и не угасли ♥# ХЭ обязателен! ♥# НОВИНКА - НОЧЬ С АДВОКАТОМ -

© Бузакина Ю., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Надя	5
Глава 2. Надя	7
Глава 3. Марат	9
Глава 4. Марат	12
Глава 5. Марат	14
Глава 6. Надя	16
Глава 7. Марат	18
Глава 8. Марат	20
Глава 9. Марат	22
Глава 10. Надя	25
Глава 11. Надя	27
Глава 12. Марат	30
Глава 13. Марат	32
Глава 14. Марат	35
Глава 15. Надя	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Глава 1. Надя

— Мам, пойдём? Я голодная... — маленькая Василиса смотрит на меня своими васильковыми глазками и нервно поджимает губки.

Я напряженно поглаживаю ее по непослушным темным волосам, которые сегодня заплетены в строгую косичку.

— Потерпи, моя хорошая. Обещаю, как только мы пройдем собеседование в детский сад, я отведу тебя к тете Варе в столовую и куплю твою любимую картошку.

Василиса тянет меня за руку.

Жалуетса:

— Носьки болят...

Я мысленно закипаю. И где эта заведующая, которая обещала, что примет нас ровно в полдень? Уже половина первого, а ее все нет.

Соискательниц с детьми работодатели не особо жалуют. А когда ты мать одиночка, все намного хуже. Тебе не на кого опереться.

Я думала, что, если устрою Василису в садик, дела пойдут бодрее. Ей скоро исполнится три года, и она у меня сообразительная. Болтать начала с полутора лет и все-все понимает. А еще у меня через неделю заканчивается декретный отпуск. Я числюсь в хорошей компании, и потерять рабочее место сейчас – хуже некуда. Так что садик нам нужен позарез.

В холле показывается немолодая грузная женщина с неприятным блеском в глазах.

— Вы к кому, мамочка? — вскинув голову, она сканирует нас с Васей оценивающим взглядом.

— Я по поводу места в садике... Мне сказали, что заведующая будет принимать с полудня... — мнусь неуверенно, но стараюсь произвести впечатление. Приветливо улыбаюсь. Поясняю: — Хочу малышку устроить в садик. Она у меня сообразительная и очень послушная...

— Все вы так говорите! — грубо отрезает она. — Свободных мест в садике нет. Он забит под завязку, группы по тридцать пять человек. Нарожаете без мужей, потом ходите тут, ходите, пороги обиваете, а ваши сообразительные и послушные крадут вещи у детей из хороших семей!

Я сглатываю ком в горле.

— Моя дочь не такая, — бормочу растерянно.

— Угу, как же, — женщина брезгливо передергивает плечами.

Глаза опаляют непрошеные слезы, но я быстро промаргиваюсь. Застегиваю на Васе теплую курточку, надеваю ей шапку и варежки, а у самой глаза на мокром месте. «Она не может быть воровкой, у нее отец - прокурор!» — хочу кричать вслед мерзкой незнакомке, но вместо этого склоняюсь к дочери и яростно закутываю ее личико шарфом.

Февраль в этом году выдался суровым. Оттепель прокатилась в январе, а сейчас придало морозами. Ни намека на скорую весну.

Через пять минут мы оказываемся на улице.

Ледяной ветер раскачивает ветви голых деревьев и бьет по украшенным бумажными аппликациями стеклам.

Сердце ноет в груди, вскрывая застарелые раны.

«Он не вернется», — твержу себе одно и то же уже четвертый год подряд. Да разве сердцу можно что-то объяснить? Стоит кому-то неосторожно напомнить об отце Василисы, и оно рвется на части снова и снова.

«Как ты мог, Марат? Как мог мне не поверить?!» — полыхает болью в груди.

Тяжелые тучи плотной завесой нависают над городом, намекая на то, что впереди метель. Я зябко кутаюсь в свое осеннее пальто. Чувствую, как медленно коченеют ноги в тонких осенних сапогах.

«Что ж, придется снова брать вечерние смены у тети Вари в столовке. Там хотя бы заплатят», — вздыхаю про себя. Цепляю на лицо приветливую улыбку и толкаю стеклянную дверь общепита.

Мы с дочкой тут же тонем в аппетитных ароматах заводской столовой. На заводе когда-то работал мой отчим, ему и дали квартиру. Отчима давно нет, а мы с Васькой ютимся в его «хоромах», которые отстроили специально для рабочих завода. Я даже фамилию отчима взяла после развода. И Василису под этой фамилией записала. Иначе было нельзя - после ареста моего мужа на меня открыли охоту. СМИ, будто свихнулись. Началась настоящая травля. Исчезнуть было единственным способом уберечь себя и ребенка от агрессии.

Тетя Варя, наша соседка по секции, работает в столовой поваром. Ее дети выросли и разъехались, поэтому к моей Ваське она относится, как к родной. И надо мной, избалованной барыней, сжалилась, взяла к себе на подработки, когда у меня живот был выше носа, а я от голода на улице сознание потеряла. Голод не тетка, поэтому стряпать я быстро научилась. Пирожки, булочки, мясо с подливой, щи. С тех пор так и тянемся.

«Как ты мог мне не поверить, Марат?» - обращаюсь к мужу мысленно снова и снова, но он никогда не услышит мой вопрос.

Глава 2. Надя

...В заводской столовой все из серии «Назад в СССР». Даже телевизор на стене, и тот не с плоским экраном. Позабытый после новогодних праздников интерьер в светлых тонах и щедро укутанная дождем старая елка приглашают устроиться за одним из столиков у окна и насладиться картошкой фри и чашкой горячего чая.

Заметив, что в углу освобождается столик, я веду дочку туда.

Усадив ее у окна, снимаю с нее шапку и расстегиваю теплую курточку.

— Мосьно мне булоську, мам? Мосьно? — не унимается Васька. Смотрит на меня голодными васильковыми глазищами.

За прилавком показывается тетя Варя. Замечает нас, и ее круглое лицо озаряет улыбка. Белый чепчик на голове смешно дергается в такт ненавязчивой музыке из телевизора.

— О-о-о, кто к нам пожаловал! — грохочет она.

Васька расплывается в улыбке и радостно болтает ножками.

— Калтоськи хосю! — выкрикивает громко, нетерпеливо ерзая на стуле.

— Посиди, я принесу тебе твою любимую картошку, — сдаюсь я. Поднимаюсь и иду к прилавку, а сама мысленно подсчитываю деньги в кошельке. На картошку точно должно хватить.

подавляю вздох. Когда-то я была женой прокурора. Как сильно я его любила! Думала, умру, когда позвонил его адвокат Игорь Свиридов. Я сижу на краю ванны с положительным тестом на беременность в руках, а он мне – развод! Получите, распишитесь, вы теперь свободны, Наденька. Квартиру извольте освободить, она не ваша. Как по лицу наотмашь...

И никто! Никто мне не поверил... То, что Дамир все подстроил с теми фотографиями и попросту заплатил моей подруге Амалии за слив мужу, которого уже держали под стражей, так и сошло ему с рук.

Мужа посадили, а я осталась одна. Разведенка с ребенком под сердцем. Из компании меня хотели уволить, но по закону беременную уволить нельзя, поэтому пусть подавятся! Прошло три года и через неделю я вернусь на свое место. Попробуют уволить – в суд на них подам.

Вдыхаю украдкой. И что я так разволновалась сегодня? Это все обидные слова той женщины в садике. Три года прошло, а меня так и не отпустило. Такое ощущение, будто вчера в последний раз видела Марата по другую сторону решетки. Ему вынесли обвинительный приговор, но я не верю, что он совершил то преступление. Марат не такой. Он бы никогда не причинил вреда женщине. А жене брата, тем более.

Как бы там ни было, сейчас я – мать одиночка. Мнусь неуверенно у кассы, подсчитывая мелочь в кошельке.

— Брось, Надя, для Васьки за счет заведения, — мотает головой тетя Варя.

— М-м-м, значит, гуляем, — я смеюсь.

Подношу к нашему с Васькой столику чай и картошку. Тетя Варя щелкает пультом в поисках новостей, чтобы послушать погоду на ближайшие дни: у нее тоже осенние сапоги, и мерзнуть ей порядком поднадоело.

На экране мелькают кадры. Тюрьма?

Приподнимаю удивленно бровь.

А следом сердце летит в пропасть – я узнаю бывшего мужа, который с другой стороны экрана торопливо шагает к служебной машине в компании адвоката...

Статный, видный – Марат почти не изменился.

— Оставь, Варя! — кричу так громко, что на меня удивленно оборачиваются посетители.

Впиваюсь глазами в экран так жадно, что кажется, пропалю в нем дыры.

— Сегодня был освобожден из-под стражи опальный прокурор Марат Сабиров, — добивая, озвучивает новость диктор. — Следственный комитет доказал его непричастность к убийству жены старшего брата, Марьяны Сабировой. Саму Марьяну случайно нашли живой и здоровой. Кого опознали вместо нее, остается загадкой, которую еще предстоит разгадать следствию. Муж Марьяны, Дамир Сабиров, владелец скандально известной компании «Элит-Строй» пока никак не комментирует ситуацию.

— Мам, дай булоську! — дергает меня за рукав пальто голодная Васька. Я на автомате сую ей булку, а сама не могу дышать. Перед глазами все плывет. Я ведь знала, что мой муж невиновен.

«Бывший муж», - поправляю себя, и сердце рвется в клочья...

Мои дорогие, добро пожаловать в книгу!

Надя и ее дочка Василиса

Марат Сабиров, прокурор - суровый, но справедливый)) Его историю мы узнаем в следующей главе)

Глава 3. Марат

— Лицом к стене! Руки за спину!

Прикрыв глаза, я втягиваю грудью воздух, чтобы унять глухую ярость. Ненавистные бесцветные стены перед глазами.

Знакомый лязг решеток. Так открывается дверь.

Начальник тюрьмы заполняет документы. Посматривает на меня снисходительно. Цокает языком.

— К сожалению, Марат Григорьевич, в ваше дело закралась ошибка.

Напрягаюсь.

— Ошибка? Что это значит?

— Это значит, что вы свободны.

— Как, свободен? — начинаю метаться, паниковать. — Где мой адвокат?

— Я здесь, Марат! — размахивая тяжелой папкой, в дубовую дверь протискивается Игорь Свиридов. За его спиной, игнорируя вооруженную охрану у двери, напирают журналисты. Шум стоит невероятный.

Я хватаю Свиридова за локоть.

— Игорь, я не понимаю! Что происходит?!

Адвокат качает головой.

— Вчера отдел по борьбе с организованной преступностью проводил облаву. В одном из притонов внезапно обнаружили жену твоего старшего брата, Марианну. Никакого убийства не было.

Чувствую, как меня ведет. В груди становится тесно, не хватает воздуха. Опираюсь на казенный стол ладонями, чтобы удержать равновесие.

Три года и четыре месяца сражений в суде, безумные траты на адвокатов, и никаких подвижек, а тут вдруг обычный рейд, и меня отпускают, потому что в следствие закралась ошибка?!

— Это... невозможно, — чувствую, как горло перехватывает спазм. — Ее ведь опознали тогда!

Игорь сжимает мое плечо своей крепкой рукой.

— Все было подстроено, Марат. Мне жаль.

Начальник тюрьмы усмехается, и в какой-то миг мне безумно хочется ударить по его самодовольному лицу, но я гашу порыв на корню. Понимаю: здесь все повязаны. Для этого ухмыляющегося полицейского я зэк. Никому не интересно, что я провел в этом заведении три года по ошибке.

— Вещи заберите, — мне протягивают пакет с вещами, в которых меня забрали из ресторана три года назад.

Притормаживаю, вытряхиваю из пакета свои личные вещи и замираю. Прошлые обжигает болью. Бьет по лицу наотмашь - безжалостно, остро. Осторожно беру в руки золотые часы - подарок отца на тридцатилетие. Золотой портсигар, в котором даже три года спустя хранятся три сигареты моей любимой марки. Паспорт, бумажник. Денег в бумажнике нет. Лишь пожелтевшее от времени фото моей жены Нади одиноко лежит на дне.

Провожу дрожащими пальцами по фотографии. Сердце сжимает дикая тоска. Надя. В одну из наших встреч здесь, в тюрьме, она хотела мне что-то сказать. Что-то очень важное. Я же не стал слушать. Она плакала, так горько, так отчаянно, а я... не выдержал. Нервы сдали. В тот день за час до ее визита ко мне приходила другая гостья - ее лучшая подруга Амалия. Она сообщила неприятную новость - Надю видели в объятиях моего старшего брата. Амалия

была не многословна, но она принесла доказательства – конверт с фотографиями, на которых Надю тискал мой брат.

«Мне жаль, Марат», — эхом отдается в ушах ее голос из прошлого.

Прошло три года, а мне до сих пор адски больно вспоминать тот день. Надя рыдала, клялась, что измены не было, что все подстроили, умоляла ей поверить, а я... В тот же день я подал на развод. Игорь Свиридов помог оформить нужные документы. Делить нам с Надей было нечего – квартира записана на мою мать, детей у нас не было.

Я скрежетал зубами от боли, скулил, бил кулаками в стену своей тесной камеры, но решения не поменял. Слишком сильно я ее любил, чтобы простить измену. Марат Сабиров предательства не прощает.

Игорь трогает меня за плечо.

— Идем, Марат.

Возвращаюсь в реальность. Киваю, иду за ним следом в соседний кабинет. Где-то час занимает бумажная волокита, и вот мы на улице.

Ледяной ветер бьет порывом в лицо, а у меня из верхней одежды только осеннее пальто. Холод колкими иглами пробирается под одежду, и от этого на душе еще гаже.

Наверное, еще ни разу за всю историю существования городской тюрьмы у ее ворот не наблюдалось такого столпотворения. Средства массовой информации, будто разом свихнулись. Какие-то активисты устроили пикет прямо перед воротами, и их активно снимают на камеру. Усиленный наряд охраны пытается разогнать бунт, но страсти только накаляются.

Эмоциональные журналисты с микрофонами осаждают со всех сторон. Даже телевидение приехало снимать репортаж о том, что незаконно осужденный три года назад за убийство жены брата прокурор Марат Сабиров отныне полностью оправдан и выходит на свободу.

— Господин Сабиров! Что вы хотите сказать тем людям, из-за которых вас несправедливо держали под стражей три года?

— Вы вернетесь к работе, господин Сабиров?

— А ваша жена? Вы с ней встретитесь, чтобы обсудить подробности ее измены?

Я шумно втягиваю грудью морозный воздух. Чувствую, как дико колотится в груди мое израненное осколками предательства сердце. Откуда этим людям известны подробности моей личной жизни?!
Хорошо, что рядом со мной Игорь Свиридов.

— Без комментариев! — с силой отталкивая от меня журналистов, мой верный адвокат прокладывает грудью путь к черному внедорожнику с пометкой «Следственный комитет РФ».

— Марат!

Оборачиваюсь на миг. Из толпы выныривает красивая брюнетка в длинной норковой шубе. Узнаю Амалию, помощницу генерального директора строительной компании «ЭлитСтрой». Ту самую, которая принесла мне в тюрьму фотографии, на которых Надя изменила мне с моим братом.

Амалия уверенно лавирует в беснующейся толпе журналистов, виснет на моей шее.

— Ну, привет поближе, — шепчет мне в шею.

Сердце опалает адская боль. Амалия в прошлой жизни была лучшей подругой моей жены. Обе работали на компанию «ЭлитСтрой». Поправочка: и сейчас, скорее всего, работают.

— Привет, Амалия. А где же мой ненаглядный братец? Не вижу его счастливого лица у ворот.

Красотка отводит взгляд.

— Дамир не смог приехать, его задержали дела. Вместо себя прислал меня. Сегодня вечером семья устраивает прием в твою честь.

— Вечеринка вместо извинений? — интересуюсь колко.

Как же на них это похоже!

— Он сожалеет. Очень.

Я качаю головой. Делаю шаг к внедорожнику следственного комитета, и вдруг оборачиваюсь.

— А как поживает Надя? Счастлива без меня?..

Глава 4. Марат

Красивая помощница брата молчит.

Сердце больно сжимается.

— Постой... Она уже давно в статусе жены Дамира Сабирова, да? — цежу с презрением.

Амалия качает головой.

— Нет. После того, как тебе огласили приговор, Надю никто не видел. Будто в воду канула. Исчезла. Впрочем, какая теперь разница? Вы ведь в разводе?

— Без комментариев, — рычу зло.

Игорь толкает очередного отчаянного мерзавца с микрофоном в плечо, и мне удается нырнуть на переднее сиденье внедорожника.

— Мы будем ждать, Марат! — кричит мне вслед Амалия, но ее голос тонет в общей неразберихе. Она отчаянно жестикулирует, пытается сказать что-то еще, но громко хлопнувшая дверца отсекает меня от толпы.

И почему я чувствую себя, как раненый зверь? Стоит упомянуть имя моей жены, как в глазах темнеет, а мир рушится. Прошло три года, а мне так больно, будто фотографии, на которых она с Дамиром, подвезли час назад.

Нырнув в машину, я захлопываю дверцу.

За рулем сидит здоровенный суровый мужик. Ему тридцать четыре, как и мне.

— Ну, привет, брат, — шумно выдыхает он и протягивает мне руку. На пальце правой руки обручалка. Все, как положено. Глеб Румянцев — тот самый герой, которому я обязан внезапно свалившейся на меня свободой.

Мы крепко обнимаемся — ведь знаем друг друга еще со школьной скамьи. По службе вместе работали над делами не раз. Даже женились в один день — я на Наде, а Глеб на своей любимой Ксюше. За то время, что я провел за решеткой, у него родился сынишка. Подрастает, три годика уже стукнуло. А я... я остался без семьи. За три года от меня отвернулись все, кому я верил. Остались только двое — майор Румянцев и адвокат Свиридов. Настоящую мужскую дружбу нельзя купить. Она либо есть, либо нет. Эти двое оказались крепкими орешками.

— Привет, коли не шутишь, — усмехаюсь невесело в ответ, и почему-то горло обжигает спазмом.

Игорь Свиридов ныряет на заднее сиденье, кидает рядом с собой портфель, и внедорожник срывается с места.

Он несется по трассе в город, оставляя позади мрачное здание городской тюрьмы.

Я хмуро смотрю в окно. Чувствую, как сводит от нервного напряжения скулы. Как бы я хотел, чтобы у нас с Надей тоже был ребенок! Мы бы встречались с Глебом и его женой, наши дети играли бы вместе. Все, как в старые добрые времена.

Надя... Единственное светлое пятно из прошлой жизни, которое омрачила измена. Не понимаю, как я мог так сильно любить и не замечать меркантильности? Мне говорили, что она молода. Что слишком красива. Что не пара взрослому серьезному мужчине. Горько осознавать, но ее васильковые глаза — единственное, что до сих пор имеет значение. Как любил Надю, так и люблю. Даже ее измена не смогла вытравить из меня чувства. А то, что она исчезла, это странно. Очень странно.

— Как ощущения, Марат Григорьевич? — следя за дорогой, интересуется Глеб.

— Не знаю, — произношу глухо. — Такое чувство, как будто я умер, потом резко ожил, а вокруг один пепел.

Майор невесело усмехается.

— Еще бы. Тебя продержали за решеткой три года за преступление, которого ты не совершал. Мне жаль, что я добрался до этого притона так поздно. Из-за чьей-то ошибки ты потерял три года жизни.

— А еще жену, карьеру, — цежу угрюмо. — Меня ведь подставили! Только кто бы мне поверил...

— Повторяю, мне жаль, что так вышло. Жена твоего брата жива. Я бы сказал, здорова, но врать не стану. Ты все и сам понимаешь. А у братика твоего все хорошо. Мы с ним вчера виделись. Строительный бизнес процветает. Тот жилой комплекс, который возводили вроде как незаконно три года назад, достроен. Ни одной свободной квартиры, все продано! Ох, ты бы его лицо видел, в тот момент, когда я ему жену возвращал. Не ожидал, что мы ее откопаем. Подозреваю, он ее сам в этот притон и отправил, с глаз долой из сердца вон.

Черный внедорожник несется по дороге, разметая грязный, подтаявший снег.

— У меня только один вопрос, — я поглядываю на Румянцева. — Куда пропала моя бывшая жена?

Глава 5. Марат

Майор мрачнеет. Пожимает плечами.

— Не знаю, Марат. Меньше всего нас с Игорем интересовала судьба твоей бывшей. У следствия и без нее очень много вопросов по делу. И эти вопросы очень не понравятся Дамиру. А уж мои ребята с него не слезут. Он тебе жизнь сломал. Мы за это глотку ему грызть будем. Никаких денег твоему братцу не хватит, чтобы от нас откупиться.
 Внедорожник притормаживает у подъезда элитного жилкомплекса с видом на реку. Удивительно, что у меня не конфисковали квартиру.

— Зайдете? — с надеждой в глазах смотрю на друзей. Признаться, что меня пугает перспектива оказаться наедине со своим прошлым в квартире, которую я делил с Надей, не хватает духа.

Игорь и Глеб переглядываются.

— Давай вечером, а? Дел по горло, если я сейчас с работы сдерну, меня начальник отдела порвет на части, — просит отсрочку Румянцев.

Игорь кивает.

— Мне еще в суд ехать, Марат. На вечер согласен. Оторвемся по полной? У меня на примете один клуб есть. Там такие девочки танцуют!

Киваю. Протягиваю ему руку.

— Не знаю, как вас благодарить за работу, ребята.

Румянцев качает головой.

— Не стоит меня благодарить. Вон, Свиридова благодари. Он с тобой три года нянчился.

Игорь криво усмехается. Уж ему-то за три года потрепали нервы не меньше, чем мне.

— Свидимся, — кивает.

— Ладно, ребят. До вечера.

Парни переглядываются.

— Марат, погоди... Мы знаем, что тебе сейчас непросто, поэтому мы с ребятами всем отделом скинулись и... — Глеб достает из кармана куртки конверт. — В общем, тут тебе на первое время. А там, думаю, прокуратура заберет тебя обратно. Такие кадры на дороге не валяются.

— Румянцев, я тебе сейчас врежу, — цежу сквозь зубы. Чтобы мне на жизнь скидывались сотрудники? Хуже ситуации не придумать.

— Ты бери, бери, не стесняйся. Проставишься потом, — похлопывает меня по плечу Румянцев.

— Ладно, сочтемся, — отмахиваюсь. Проглотив гордость, прячу конверт в карман пальто и выбираюсь из машины. К собственному удивлению, нащупываю в кармане ключи от квартиры.

Замки на двери подъезда так и не сменили, система быстро пропускает меня внутрь.

Скоростной лифт поднимает на двадцатый этаж, и я дрожащими руками отпираю заржавевший замок на двери. Сердце колотится так отчаянно, что чувствую горечь в горле. Спустя миг понимаю — это горечь утраты. Ведь вокруг пустота. Слой пыли намекает на то, что сюда слишком давно никто не наведывался.

Прохожу в просторную прихожую. Воспоминания накатывают темными волнами, душат, заставляют захлебываться отчаянием, и я судорожно сжимаю крепкими пальцами лацканы пальто.

Старший брат лишил меня карьеры, а потом добрался до моей любимой женщины. Моя Надя работала у него в отделе продаж менеджером.

Она сводила его с ума. Я не раз замечал похоть в его глазах, когда он на нее смотрел. Даже после нашей свадьбы Дамир не мог смириться с тем, что девушка, которой он был одержим, выбрала не его, а прокурора. Не нужны ей были миллионы, которыми ворочает Дамир.

Я дико ревновал. Пару раз мы с братом даже сцеплялись из-за Нади. Это его люди подбросили в мою машину улики, сразу после того, как он заявил в полицию о пропаже жены. Мне вынесли приговор. Меня судили за убийство, которого не было! А брат как стоял, так и стоит во главе строительной компании.

Иду торопливо по комнатам, распахиваю в каждую двери. Пустота, пыль и тишина. Запах нежилого помещения неприятно режет глаза и горло.

Захожу в ванную. Включаю воду и долго смотрю на свое отражение в зеркале. Удивительно, что после трех лет заточения я все еще похож на себя прежнего. Только в черные волосы кое-где закралась седина, а в глубоко посаженных глазах цвета крепкого виски затаилась бесконечная боль.

Взгляд скользит по пустым полочкам. Раньше здесь все было уставлено волшебными баночками с бесподобными ароматами. Их так любила Надя... А что это за бумажка на краю раковины? Засохшая, покрытая пылью, похожая на тонкую палочку. Неужели три года пролежала?

Беру ее в руки. Присматриваюсь. Тест на беременность... Две полоски.

И сердце летит в пропасть.

Глава 6. Надя

Я мониторию глазами кадры на экране с надеждой хотя бы мельком еще раз увидеть любимый силуэт. Но взамен на экране появляется красивая брюнетка в дорожной шубе.

«Амалия!» – узнаю когда-то лучшую подругу, с которой мы вместе работали. В сердце будто вонзают острый нож – подруга виснет на шее у моего бывшего мужа. Холеная, красивая – глаз не отвести.

Я стыдливо прячу в рукава застиранного свитера свои ногти без маникюра. Глаза обжигают слезы.

А ведь когда мы с ней работали вместе с «ЭлитСтрое», меня предупреждали, что Амалия положила глаз на моего Марата. Что она змея, и что сущность у нее змеиная. Я не верила. Теперь понимаю, что зря.

На экране мелькают следующие новости, а у меня почва уходит из-под ног. Падаю на стул, как подкошенная. Пытаюсь дышать, но не получается. Глаза жгут невыплаканные за три года слезы. Сколько их было, а все мало...

Сижу в ступоре, а в голову набатом бьет одно – Марата оправдали! Выпустили! Чувствую, как к горлу подкатывает ком. Я не верила, что он мог убить жену своего брата. Но его брат сделал все возможное, чтобы устранить соперника, ведь желанным призом для него была я. Только никакого приза Дамир не получил. А силой брать побоялся – нас всех тогда травил СМИ. Следили неотступно за каждым шагом. Им даже слили фото, на которых я в объятиях Дамира. Раструбили о нашей связи на весь город, как и ту версию, что прокурор в отместку убил жену брата. И так хорошо сфабриковали все доказательства, что даже я поверила в то, что изменила мужу.

А на самом деле через сутки после ареста прокурора меня вызвали в кабинет гендиректора Дамира Сабирова. Я – сотрудница его компании, пусть даже простой менеджер, но все же не имела права отказаться. *«Если генеральный директор вызывает на ковер, хорошего не жди»*. Да и чего ждать, когда состояние у меня было шоковое. Я сутки не спала – у меня задержка, муж под арестом, и даже Глеб Румянцев не смог выбить для меня короткое свидание с прокурором.

А Дамир меня ждал. Подждал, расставив ловушки.

Помню, как я ни жива, ни мертва вошла в его шикарный кабинет.

Он выгнал секретаря и указал мне на небольшой уютный диванчик в углу. Тот приватный разговор он начал вести издали. Речь шла о том, что теперь, когда мой муж под арестом, я должна быть поговорчивее, иначе вылету из компании.

Он говорил, говорил, а у меня в голове шумело от бессонницы и стресса. И когда Дамир внезапно привлек меня к себе и начал бессовестно целовать, я даже не нашлась, чем ответить. Дернулась, да было поздно. Скрытые камеры успели все заснять – и его жадные поцелуи, и как он расстегивает пуговицы на моей блузке, и как пытается уложить меня на диван... Дальше, как в тумане. Как оттолкнула его, как выбежала из его кабинета – почти не помню.

Свидание Глеб выбить смог, мы с Маратом увиделись, но было поздно. Меня опередили. Кто-то успел донести ему о моей «связи» с Дамиром. Видео слили в интернет. Весь город гудел. Даже Глеб Румянцев, с женой которого мы были подругами, усомнился в моей честности. А Марат предательства никогда не прощал, вот и я попала в его черный список.

Я думала, хуже и быть не может. А потом началась травля... Почти семь месяцев ада. В компании от меня отвернулись. После слитой в интернет видеозаписи от меня шарахались, как от прокаженной. Даже Амалия, моя подруга, вдруг сделала вид, что мы с ней никогда не были знакомы.

Уволить меня у Дамира не получилось – беременную женщину уволить по закону нельзя. А беременная я ему быстро разонравилась.

— Надь, ты что бледная такая? — Варя вытягивает шею из-за прилавка. — Плохо, что ли?

Я отгоняю от себя воспоминания. Качаю головой:

— Нет, нормально все...

Помогаю Ваське с картошкой, убираю крохи, чтобы не мусорить.

— А что там с садиком? — выжидающе смотрит на меня Варвара.

Мотаю головой.

— И там отказали. Видимо, не судьба нам с Васей в садик оформиться.

— Что ж, значит, привет, ночная смена в столовой? Пирожки сами себя не испекут. А там банкет. Директор сказал, в стране кризис, а значит, будут двадцать третье февраля здесь праздновать.

— Всем составом? Я только за! Чем больше работы, тем больше зарплата, — киваю согласно.

Но чувствую, как меня ведет. Хватаюсь рукой за угол стола, чтобы не упасть.

— Да что ты будешь делать!

Варвара летит к нам с Васькой. Брызгает мне в лицо холодной водой из пульверизатора, хлопает по щекам.

— Ты что, расстроилась, что Ваську в садик не взяли?

— Угу, — киваю отчаянно, пытаюсь отогнать от себя слезы.

— Не парься, утрясется все. Так и быть, позвоню одному товарищу, он поможет ее устроить.

— Не надо, Варя.

— Надо! Он заведующую знает. Ей конверт отнесешь после его звонка, и Ваську примут.

— А денег я где возьму?

— У меня заначка лежит. Я тебе одолжу, а ты, как первую нормальную зарплату получишь, вернешь, — напутствует меня она.

Вытираю слезы.

— Ладно, уговорила. Была не была, рискну. Иначе не видать мне рабочего места, как своих ушей.

— Вот и хорошо.

Варя похлопывает меня по плечу и плывет обратно за прилавок, обслуживать работяг, которые желают пообедать.

А у меня перед глазами стоят Марат и Амалия. Как будто мне сердце вскрыли и ножом искромсали... С кем угодно, но не с ней!

Глава 7. Марат

Несколько мгновений я рассматриваю тест на беременность, а потом откладываю его в сторону. Голова кругом. Надя была беременна? А мне, почему ничего не сказала?

Мечусь из угла в угол, как раненный зверь. Моя профессия научила меня верить фактам, и в сердце закрадывается тысяча вопросов. Если тест принадлежит моей жене, то почему она не сообщила о ребенке? На момент развода Надя должна была уже знать о своем состоянии, но нет. Что за игры? Квест под названием «угадай, кто это оставил?»

А может, она ждала ребенка и вовсе не от меня? Видеозапись, на которой Дамир берет ее на диване в своем кабинете, облетели всю сеть. Как закрою глаза, так они и вспыхивают адскими всполохами перед глазами.

Как вчера это было. Можно подделать фотографии, которые принесла Амалия, но видео подделать невозможно! Там была Надя. Я ту ее блузку хорошо знал, и юбку, и туфли. И то, что этот боров ложится на нее сверху, тоже отлично было видно.

«Ну, конечно, у нее ребенок от Дамира! Нагуляла... он ее попользовал и бросил, вот она и исчезла. Растворилась в закате, потому что стыдно бывшему мужу и его родне в глаза смотреть!» — убеждаю себя.

И такая злость накрывает, что хочется разбить раковину, на которой я нашел тест. Хватаю мыльницу из мрамора и бью ею по раковине изо всех сил. Снова и снова, пока та не разлетается вдребезги.

Осколки режут пальцы.

Я включаю холодную воду и долго лью ее на пальцы.

Кровотечение понемногу останавливается, но не в моей душе. Надя стоит перед глазами. Почему она сбежала? Почему исчезла? Почему не сообщила, что беременна? Ведь суд бы не дал добро на развод, если бы она заявила о ребенке. Она так рьяно убеждала меня, что любит! Любящая женщина бы не исчезала из поля зрения мужа, зная, что под сердцем его ребенок. А значит... ребенок не мой?

Мысль о том, что ребенок у моей Нади мог быть от Дамира, заставляет скрежетать зубами. Хочется выть. Хочется лезть на стену. Ничего не изменилось за три года! Я по-прежнему до одури болею Надей.

Я добираюсь до душа. Все пытаюсь смыть с себя последние три года жизни, но выходит из рук вон плохо.

После горячего душа становится немного легче. Я принимаю решение действовать осторожно. Сначала мне надо найти Надю. Узнать, родился ли ребенок. А там можно будет сделать ДНК экспертизу. И если ребенок мой... От этой мысли становится горько. Закусываю кулак. Зажмуриваюсь. Не могу даже представить, что у меня есть сын или дочь.

Пытаюсь совладать с эмоциями. Нахожу свой халат в шкафу, умудряюсь заказать доставку еды.

Долго и задумчиво стою у окна. Я вдруг решаю, что обязан появиться на вечеринке у Демида. Прежде чем я разыщу Надю, мне очень хочется сделать то, о чем я мечтал все три года забвения - врезать Дамиру на глазах у всех. Прикормленные Дамиром СМИ разнесут некрасивые фотографии по всему интернету. Пусть люди видят, какой мерзавец на самом деле мой брат. На собственную репутацию мне плевать, ее уже невозможно испортить.

«Марат, мы с Игорем заедем за тобой в шесть», — всплывает сообщение в мобильном телефоне.

Отлично, в шесть, значит в шесть. Глеб с Игорем меня и подбросят на вечеринку к брату. Прежде чем мы втроем отправимся в клуб, я навещу своего ненаглядного родственничка.

Ближе к вечеру я надеваю свой когда-то любимый свитер цвета таул, достаю джинсы, посматриваю на подаренные отцом золотые часы на запястье. Почти шесть вечера. «Наверное, за три с половиной года мода шагнула далеко вперед, но ведь классику никто не отменял?» – размышляю невесело.

В телефоне мерцает вызов.

— Да, я слушаю, — рычу холодно.

— Добрый день, Марат Григорьевич. Это Диана Ветлицкая. Помните меня?

Скулы сводит от напряжения. Помню ли я своих сотрудников?

— Добрый день, Диана. Конечно, я тебя помню, — усмехаюсь невесело.

— Я теперь старший помощник прокурора, — не без гордости сообщает она.

— Очень за тебя рад.

— Марат Григорьевич, вы планируете вернуться к работе? Мы без вас, как без рук.

Чувствую, как она улыбается, и хмрюсь. Диана всегда была оптимисткой. Но ей ли не знать, что прокуратура — это структура, где важна не только профессиональная компетентность, но и репутация? Поэтому, даже будучи оправданным, прокурору может быть непросто восстановиться на прежней позиции.

— Диана, не смешите меня. Вряд ли структура окажется лояльной к человеку, который оказался за решеткой. Пусть даже преступление я не совершал.

— Марат Григорьевич, ваша ситуация дошла до генпрокуратуры! Нам здесь, на местах, такой разнос устроили, что мама не горюй. Все зависит от конкретной ситуации, а еще от общественного мнения. Давайте будем честны – ваше дело наделало много шума. О нем говорили три года назад, и о нем кричат на каждом углу сейчас. СМИ сделало из вашего освобождения практически блокбастер! Люди выходят на улицы с плакатами в вашу защиту! Нас выставляют чудовищами, которые не смогли защитить своего сотрудника. Поэтому мы всеми фибрами души за то, чтобы вас вернуть.

— Диана, мне кажется, вы оптимистка.

— Ни в коем случае! Я реалистка, если что. Чтобы вернуться к работе, вам потребуется пройти переаттестацию. Что касается доверия вам лично со стороны общества, то здесь все в порядке. Вас принимают, как национального героя, Марат Григорьевич. Уверена, мы с вами прекрасно сработаемся, а суд еще не раз увидит ваше мастерство. Завтра в девять часов утра нынешний прокурор Алексей Викторович Минаев готов принять вас в своем кабинете. Не опаздывайте. Мы будем рады вас видеть.

В трубке раздаются короткие гудки.

Мое сердце обжигает странное чувство. Горечь, обостренная жажда справедливости, желание восстановить репутацию в глазах коллег – все это накатывает огромной шумной волной. Заполняет до основания, выплескивается наружу.

Пытаюсь выровнять дыхание. Кажется, пятизвездочное лекарство помогло слабо.

И тут слышу, как звонят в дверь. Странно, я не жду гостей.

Распахиваю дверь. На пороге Амалия.

Глава 8. Марат

— Марат, как ты?

В ее глазах плещется океан сочувствия.

Я озадаченно потираю подбородок.

— Слушай, я думаю, ты зря сюда пришла... — начинаю резко и осекаюсь, потому что красивая бестия уже проникает в мою прихожую. Вертит по сторонам головой.

— Да, паршиво у тебя здесь... — вздыхает невесело. — А знаешь, я могу навести уют, пока ты будешь заниматься делами. Можешь просто передать мне ключи, и я наведу порядок. Вдохну жизнь в твоё заброшенное логово.

— Я думаю, клининговая компания справится не хуже.

Ее губ касается ироничная улыбка.

— Клининговая компания не сделает того, что умею я. К тому же, им придется платить. А ты, я думаю, сейчас на мели. Не отказывайся от моей помощи. Я предлагаю от чистого сердца.

Она распахивает свою длинную шубу.

Я напряженно сглатываю. Маленькое черное платье, черные чулки, высокие сапоги на тонкой шпильке. Сногшибательное женское тело выгодно выставлено напоказ.

Я чувствую, как мужское достоинство немедленно реагирует. Да что там реагирует, оно начинает сходить с ума! Три года без женщины дают о себе знать.

Амалия проходит в прихожую и прикрывает за собой дверь. Шуба соскальзывает с ее хрупких плеч на пол.

С грацией коварной, но безумно привлекательной соблазнительницы она обвивает мою шею руками.

— Я ждала твоего освобождения больше трех лет. Ни на минуту не сомневалась в твоей невинности, — шепчет мне на ухо. — Делай со мной, что хочешь. Я вся твоя.

Трется низом живота о мое бедро, мягко тянет вверх мой свитер, гладит ладонями мой торс, и у меня перед глазами все плывет. В ноздри бьет запах самки – терпкий, тягучий и невыносимо манкий.

Ее губы после долгого воздержания кажутся мне слаще меда. Я жадно и грубо ее целую. Понимаю, что с ее стороны это подлость – сыграть на моей слабости, но ничего не могу с собой поделать. Именно сейчас инстинкт сильнее разума.

Я усыпаю жадными поцелуями ее шею и плечи, задираю короткое платье, отодвигаю в сторону тонкую полоску трусиков. Еще немного и такое желанное наслаждение накроет меня с головой...

Я вдруг резко трезвею. Отрываю от себя сотрудницу Дамира.

Она непонимающе хлопает густыми черными ресницами.

— Что... что такое, Марат? Давай продолжим... — Нежно оглаживает ладонями мои плечи, тянется ко мне всем телом.

Я зло заглядываю ей в глаза.

— Хочешь воспользоваться тем, что у меня давно не было женщин? — рычу, вытирая губы. — Тебя прислал Дамир?

Она горько усмехается. Стоит у стены, скрестив руки на груди. В глазах жадный блеск.

— Вот ты как значит, да? Скажи честно, я тебя никогда не интересовала?

— Три года назад ты была подругой моей жены! Но вижу, приоритеты поменялись? В любом случае, будет лучше, если ты уйдешь.

Она расстроена.

— Все еще думаешь о Наде? — интересуется колко.

— Тебя не касается, о чем я думаю.

— Ладно. Нет, значит нет. Отставим лирику в сторону. Внизу стоит машина. Семья ждет тебя в клубе. У Дамира есть к тебе приватный разговор.

— А у меня с семьей никаких дел нет. Если бы они хотели, то пришли бы сюда.

Амалия качает головой.

— Они боятся, Марат. Страшно оказаться с тобой лицом к лицу после того, как все поверили Дамиру и отвернулись.

Я чувствую, как в груди становится тесно. Даже мама, и та встала на сторону Дамира. Поверила, что я убил его жену.

За три года я привык к забвению. Почти смирился. Мне ни к чему их извинения. Я выбрал свою профессию уже давно, и с Дамиром нам не по пути.

— Амалия, будет лучше, если ты уйдешь.

Я широкими шагами направляюсь к двери. Распахиваю ее настежь.

— Я бы на твоём месте не торопилась. У твоей жены через несколько дней заканчивается декретный отпуск. Она вернется на рабочее место. Думаю, в твоих интересах быть поговорчивее. Если, конечно, Надя для тебя по-прежнему что-то значит.

Что-то больно колет глубоко внутри.

— Декрет? — переспрашиваю глухо.

Значит, декрет все же был? И ребенок есть?

— А ты не знал? Странно, что она тебе не сообщила.

Я пытаюсь совладать с эмоциями.

Ребенок есть! Сердце рвется на части от несправедливости. Мне даже не удалось сообщить... Решила, что я буду плохим отцом? Или ребенок все же не от меня?

— Хорошо, покончим с этим раз и навсегда, — произношу решительно. — Дамир желает увидеться? Не вижу смысла упираться.

Я забираю из гардероба короткую дубленку, перекладываю туда документы и вскоре выхожу на улицу вместе с Амалией.

У подъезда стоит машина - роскошный черный «БМВ» последней модели с личным водителем.

Водитель выбирается наружу, услужливо открывает нам заднюю дверцу. Машина трогается с места, медленно плывет по проспекту в сторону центра города.

— Сначала заедем в офис, Дамир ждет тебя там. А уже из офиса отправимся в клуб, — раскрывает маршрут Амалия.

Я молчу. Только желваки играют на скулах, выдавая мое состояние. Мне не интересно, что скажет Дамир. Все мысли о Наде. Теперь, когда факт наличия у нее ребенка налицо, я не могу перестать о ней думать.

Глава 9. Марат

Вот и роскошное здание, в котором почти все этажи занимает компания «ЭлитСтрой». Амалия проводит меня через пропускной пункт на первом этаже.

Уверенно ведет к лифтам.

Лифт поднимает нас на самый верх. Его дверцы распахиваются, и мы оказываемся в холле, который занимает генеральный директор и его свита.

Здесь все сияет. Одна мебель тянет на миллионы, что уж говорить о технике! На дверях кабинетов золотые таблички. В просторном холле огромный камин на всю стену и утопающие в коврах мягкие диваны из коричневой кожи. Да, несомненно, бизнес у моего брата процветает. Его услуги в округе востребованы, как никогда.

Приоткрыв дверь, Амалия пропускает меня вперед.

Я осматриваюсь. Вокруг красивый интерьер и тишина. Только пламя в искусственном камине потрескивает, навевая ощущение уюта.

Мой брат всегда был равнодушен к каминам. Наверное, именно поэтому я ненавижу камин. Камин – символ семейного уюта. А для меня он – символ предательства, олицетворяющий моего брата.

Личного секретаря на месте нет, а в оснащенной по последнему слову техники кабинете царит мой брат. Краем глаза замечаю тот самый неприметный диванчик в самом углу. В глазах темнеет. Именно это место облетело сеть. Там мой брат сделал это с моей женой.

Адское пламя полыхает в груди, грозясь вырваться наружу и испепелить все вокруг. Мне хочется камня на камне не оставить от окружающей Дамира роскоши. Сделать с его офисом тоже самое, что он сделал с моей жизнью.

Дамир Сабиров стоит у огромного панорамного окна. Засунув руки в карманы брюк роскошного костюма, процветающий бизнесмен с благородной сединой на висках созерцает раскинувшийся внизу город. Его город. Он по праву считает себя его хозяином. В нашей семье всегда так было – Дамир, как старший брат, присваивал себе все в доме. А мне оставалась лишь обостренная жажда справедливости. Так и по жизни – он процветающий бизнесмен, идет по головам, нарушает закон и даже не морщится, а я... я опальный прокурор, которому он сломал жизнь и карьеру.

Я останавливаюсь у брата за спиной.

— Марат? Три года не виделись, а я все также узнаю твои шаги, — произносит он с легкой ностальгией и медленно оборачивается.

— Хорошо выглядишь, братик.

Я молчу. Только пронизываю его острым, полным ненависти взглядом.

— Зато ты постарел, Дамир, — цежу с пренебрежением. — Хотя, это неудивительно, с такой-то женой.

Брат мрачнеет. Усмехается.

— А я смотрю, ты ни капли не изменился. Все такой же колючий. Что ж, добро пожаловать домой. Мне жаль, что мы так облажались, — в его холодном взгляде на миг мелькает нечто, похожее на сожаление. Он протягивает ко мне свои руки, желая обнять, но я лишь небрежно усмехаюсь.

— Вы облажались, Дамир, — подтверждаю его слова. — Понимаешь, что это означает для тебя лично?

Он утвердительно кивает.

— То, что я должен искупить свою вину перед тобой.

Так и не дождавшись от меня ответных объятий, широкими шагами идет к своему рабочему столу. Включает компьютер.

— У меня есть одно особое качество, благодаря которому я на коне: я умею признавать ошибки, — произносит уверенно и клацает мышкой в компьютере. — Из-за меня ты потерял три года жизни. Я готов возместить твои убытки с лихвой.

На стене вспыхивает проектор. Плывут кадры красивого кабинета, в который заходит идеальная во всех смыслах секретарша. Она улыбается на экран, делает кофе, несет его в пустой кабинет.

— Это кабинет совладельца «ЭлитСтроя». В кабинете не хватает только самого совладельца. Я уверен, ты будешь прекрасно смотреться на этом месте.

Брат широко улыбается. Достает из ящика рабочего стола папку с документами. Кладет ее передо мной.

— Вот, ознакомься. Я готов щедро поделиться. Тебе будет принадлежать треть моей компании. Ты станешь богатым бизнесменом. Мы наконец превратимся в одну большую семью. Дамир и Марат Сабировы – ты только послушай, как красиво это звучит! Все, что от тебя требуется – перестать гоняться за преступниками и дать согласие на сделку. Давай будем честны друг с другом – твоя карьера в правосудии вряд ли пойдет в гору после всего, что случилось.

Я смотрю на него прямо, в упор.

— А почему это случилось, Дамир? Не потому ли, что тебе надо было убрать меня с дороги? Твоя стройка оказалась незаконной!

— Ты пошел против семьи! Разве братья поступают так, как ты?! Правосудие? Кому оно интересно? В этом городе я правосудие! Надеюсь, за три года в тюрьме ты смог это уяснить?

— Поверь, это не на долго.

— То, что тебя оправдали – чистая случайность! Странное совпадение, не более того! Твоему корешу Румянцеву надо меньше таскаться по злочным местам со своими облавами!

Я молчу. Продолжаю сверлить Дамира взглядом.

Видимо, пригорает у него, раз готов так щедро делиться с младшим братом. Знает, что мои люди сядут ему на хвост. Мы выясним, кого опознали вместо Марьяны. А еще незаконно построенные многоквартирные будут подлежать сносу, если я начну снова копать старое дело, которое красиво замяли в мое отсутствие. Куда не кинь, сплошные убытки для такого, как он.

Но не это меня волнует. Мой взгляд против воли снова и снова скользит по тому месту, которое облетело сеть. Диван, на котором Дамир занимался сексом с моей женой, невозможно не узнать.

«Мог Дамир взять Надю против воли?» — внезапно пронизывает меня новая догадка. Не потому ли она так горько плакала в нашу последнюю встречу и умоляла ей верить?..

В глазах темнеет. Я подаюсь вперед и хватаю брата за грудки.

— Ты с ней спал? — хриплю яростно ему в лицо. — Спал с моей женой? Или заставил ее, ублюдок?!

— Тише, тише... — Дамир беспомощно поднимает руки ладонями вверх. — Это ведь в прошлом все! Надя исчезла. Какая теперь разница?

— Какая теперь разница?!

Боль и ярость, которые копились во мне три года, сродни цунами. Я швыряю его к столу.

— Здесь везде камеры, Марат... — предупреждающе хрипит Дамир. — Не распускай руки, а то окажешься там, откуда тебя сегодня выпустили по чистой случайности...

Я уверенно бью его по лицу. С каким-то тупым удовлетворением наблюдаю за тем, как отлетают в сторону очки, и как у него под носом появляется кровь. Размахиваюсь. Бью снова и снова, а когда он, захлебываясь кровью, падает на колени на мраморный пол, я без жалости отправляю его прямым ударом в нокаут.

Благородный Дамир лежит на полу, его лицо разбито, но мне его ни капли не жаль.

Прежде чем покинуть кабинет, я хватаю со стола папку с документами, и швыряю в брата обрывками.

— Подавись своим подарком, — рычу угрюмо.

Чувствую ли я хоть каплю облегчения? Нет. Перед глазами Надя. Ее заплаканное лицо, отчаяние в глазах...

Дергаю дверь приемной, и оказываюсь в красивом, мерцающем роскошью холле.

Меня ждет Амалия. Сидит на диванчике, как примерная девочка, благодушно созерцает искусственный огонь в камине.

— Марат, все в порядке? — едва заметив меня, подскакивает с дивана она.

— Теперь да, — киваю уверенно. — Стало немного легче.

— Но у тебя кровь...

— Все в порядке, Амалия, — отмахиваюсь от назойливой подруги жены.

— Значит, едем в клуб? Там СМИ, они готовы взять у тебя интервью, ведь отныне ты очень богатый человек, — она улыбается. В глазах надежда на взаимность.

Несколько мгновений я смотрю на нее. Кажется, я начинаю понимать, отчего она ко мне прицепилась с самого утра. Она знала о щедром подарке Дамира и была уверена, что я соглашусь на сделку.

Я отрицательно качаю головой.

— Нет. Мы никуда не едем. Надеюсь, это была наша с тобой последняя встреча.

Амалия растеряна и расстроена одновременно, но не мне ее утешать. Я иду к лифтам.

Странно, что хваленая охрана Дамира Сабирова еще не в холле.

А значит, Дамир обманул. Нет никакого видеонаблюдения. Он его выключил, чтобы наша с ним встреча прошла без доказательств. Впрочем, как и все его дела. Усмехаюсь про себя — как же это предсказуемо.

Вот и проспект. Я иду по улице, засунув руки в карманы дубленки. Холодный ветер бьет в лицо. Ледяной воздух обжигает легкие, но я почти не чувствую холода. Сердце рвется на части. У меня внутри сплошной мрак. Почему мне раньше не могло прийти в голову, что Дамир заставил Надю силой сделать это перед камерами? Почему я не посмотрел на ситуацию с точки зрения принуждения моей жены? Ни разу не задумался о том, как она там оказалась? Все моя слепая ревность и умело состряпанное средствами массовой информации дело.

Мобильник разрывается от вызовов Румянцева и Свиридова, но у меня нет сил ответить на звонки. Я просто иду и иду вперед по темному проспекту. В груди пылает решимость. Я должен разыскать Надю.

Глав 10. Надя

— И жили они долго и счастливо, — дочитываю дочке сказку на ночь.

Васька в восторге. Водит пальчиком по ярким картинкам на плотном картоне. Очень уж ей нравится белая лошадь, на которой скачут прекрасный принц Июнь и юная принцесса Весна в свадебных нарядах.

— Цветоськи класивые, — шепчет с придыханием. В васильковых глазищах полыхает любопытство. — Мам, а когда у нас на улице цветоськи будут?

Я улыбаюсь. Глажу ее по темным волосам.

— Скоро будут, доченька. Вот только морозы сойдут, и сразу весна ворвется. Деревья позеленеют, распустят свои листочки, а там и цветы появятся. — Обещаю ей. Она улыбается, прижимается ко мне крепче. — И все у нас будет хорошо, — добавляю я.

При этих словах в горле против воли встает ком. Глаза обжигают слезы.

— Холосо-прихолосо? — уточняет Василиса.

— Конечно, — убеждаю ее я. А сама поспешно смахиваю с щек слезы и отчаянно киваю, чтобы звучало нагляднее.

Василиса хмурится. Пронизывает меня своими васильковыми глазищами. Точно отец. Его взгляд.

— А почему ты плащешь, мам? — интересуется с тревогой.

— Не бери в голову. Это я просто сильно по цветочкам и весне соскучилась, — бормочу с натянутой улыбкой, но дурацкие слезы катятся по щекам снова и снова.

«Его освободили! Он не виновен!» — бьет в голову набатом одно и то же. Перед глазами снова плывут кадры из телевизора, на которых Марат идет к машине следственного комитета в компании адвоката Игоря Свиридова. А за рулем в машине сидел Глеб Румянцев. Его я тоже успела заметить.

Надо же, не бросили его. Румянцев кремень. Точно он откопал Марьяну в притоне, больше некому. В тот период от Марата все отвернулись. Шарахались, как от прокаженного, даже мать родная, и та во всеуслышание объявила, что Марат ей не сын... Только Свиридов и Румянцев с ним остались. А меня он сам прогнал. Не поверил.

— Я тоже соскучилась по цветоськам, — вздыхает Василиса. Тянется пальчиками к моему лицу, осторожно вытирает с него слезы. — Не плась, мам. Все будет холосо.

И смотрит на меня так проникновенно, что у меня сердце сжимается.

В дверь квартиры стучат. Я нащупываю комнатные тапочки, а Васька как вихрь. Опережает меня. Подскакивает с постели в своей смешной пижаме с песиком корги на всю грудь, бежит к двери.

— Кто там? — кричит во весь голос.

— Это я, почтальон Печкин! — грозно отзывается с лестничной клетки Варвара.

— А ты сего так поздно? — недоверчиво переспрашивает Васька. — Все прилесьные постальоны спят узе!

Прижимается ухом к двери, прислушивается. Интересно ей, что ответит тетя Варя.

— А я неприличный почтальон! У меня ночная смена! — громыкает Варвара.

Я бегу к двери. Отпираю замок.

Соседка заваливается в нашу узкую прихожую, давится смехом.

— Ой, Васька, с тобой не соскучишься! — хохочет она.

Моя дочка к ней прижимается. Обнимает ее необъятные телеса, улыбается хитро.

— А цюпик у тебя есть? — спрашивает с надеждой.

— Чупик? Обижает, — Варвара лезет в карман своего домашнего халата, извлекает оттуда петушка на палочке со вкусом черной смородины и вручает Ваське.

Та рада до безумия.

— Петусок-петусок, золотой гребесок! — приговаривает, прыгая по прихожей.

Я смеюсь. Трогательная дружба Варвары и Васьки меня забавляет.

Варвара оглядывается, плотно прикрывает за собой дверь. Манит меня на кухню. Извлекает из кармана халата конверт и сложенный вдвое листок бумаги.

— Так, мать, слушай сюда, — начинает деловито. — Завтра утром поедешь по вот этому адресу. Там хороший садик, но просто так не попадешь. Надо по блату. Я за тебя договорилась. Для твоей дочки есть одно место в группе номер пять. Приедешь к девяти часам утра, документы Васькины все с собой возьми. Заведующая Ваську оформит, всунешь ей конверт, и она тебя дальше направит. Все расскажет. Только не глупи, умоляю! Делай, как она скажет. А вечером велком в столовку. Пирожки лепить.

Я смотрю на Варю, и чувствую, как в горле снова встает ком.

— Спасибо, Варенька, — шепчу сбивчиво. Обнимаю ее за шею, целую в щеку.

— Фу, брось ты благодарить! — отбивается та. — Терпеть не могу сентиментальности!

Соседка уходит. Я запираю за ней дверь. Прячу конверт в свою сумку. Васька забирается в нашу с ней кровать на двоих, играет с петушком на палочке, заливается соловьем, а я иду на кухню. Открываю листок с адресом — и сердце летит вниз.

Садик расположен в том районе, где мы жили с Маратом. Наша с ним квартира в квартале от этого места.

Меня накрывает. Вся моя женская сущность начинает немедленно сходиться с ума.

Сердце колотится о ребра, кажется, еще немного — и выскочит из груди. Оттираю с щек слезы.

«А может... зайти к нему?» — летит предательская мысль.

Глава 11. Надя

Вся моя женская сущность начинает немедленно сходиться с ума. Я вдруг принимаю решение, от которого уже не могу отказаться. Увидеться с Маратом. Просто увидеть его, такого любимого, родного. Прикоснуться к нему, заглянуть в его карие глаза.

Глаза застилают слезы. Я иду к маленькому шкафу, перебираю свои старые вещи. Есть ли хоть что-то, в чем я буду выглядеть более-менее привлекательно? Нет, конечно, ухоженную Амалию мне ни за что не переплунуть. Декрет накладывает отпечаток на гардероб, у меня в нем больше спортивной одежды, да и обувь на каблуках заменили удобные кеды.

Но ведь тягаться с Амалией и не обязательно? Я теперь мама, мне о ребенке думать надо, а не о том, как соблазнить очередного мужика. По этой части у нас, как раз, специализируется Амалия. Сколько помню, у нее всегда была одна мечта.

Нахожу брючный костюм из добротной ткани. Он темно-серого цвета. Под него подойдет черная водолазка. Волосы уложу, подкрашусь.

Замираю на миг у узкого зеркала, что встроено в дверцу шкафа.

«Все будет хорошо», — обещаю своему бледному отражению.

Ночь проходит быстро, да только я почти до рассвета лежу, уставившись в потолок. Не идет ко мне сон. Перед глазами Марат.

Утром все складывается удачно. Варвара берет на себя Ваську, а я, начистив перышки, еду на такси в детский сад. Раньше у меня была своя машина, но перед рождением Василисы ее пришлось продать. На роды и приданное для дочери были нужны средства. Теперь везде пешком.

Такси плавно везет меня по утреннему городу. Повсюду пробки. Я волнуюсь. Смотрю через окно на знакомые пейзажи. Я здесь впервые с того дня, как Игорь Свиридов потребовал от меня освободить квартиру Марата. Как же давно это было! Больше трех лет прошло... а кажется, что вчера.

Вот сквер, в котором мы с Маратом так часто прогуливались по вечерам. Там за сквером есть супермаркет, мы постоянно покупали в нем что-то на ужин.

«Дыши, Надя, дыши», — приказываю себе, а сердце сходит с ума.

Поворот, еще поворот – вот и садик, в который, возможно, будет ходить Васька. Какая ирония судьбы – дочка будет числиться в том месте, где и должна быть по праву.

Я расплываюсь с таксистом, прижимаю к себе сумку с документами Васьки, бегу по обледеленному тротуару ко входу в садик.

Удивительное дело – в этом детском саду заведующая на месте. И даже очереди к ней в кабинет не наблюдается.

— Здравствуйте, я Стоянова. Надежда... Вам вчера за меня должны были говорить, — переминаюсь с ноги на ногу. А сама думаю, что, если еще раз мне про отца Васькиного что-то обидное скажут, я не выдержу, взорвусь.

Но заведующая понимающе кивает. Дружелюбно указывает на место для посетителей. Даже кофе предлагает.

Я мысленно выдыхаю. Пока у меня принимают документы, заведующая посматривает на меня с интересом.

— А сами вы куда, если не секрет? К нам нянечкой не хотите?

Я отрицательно качаю головой.

— Нет, у меня есть свое рабочее место в «ЭлитСтрое», я там числюсь менеджером по продажам. У них есть свой риэлтерский отдел.

Она невесело усмехается.

— Что ж, дело ваше. Только знаете, слухи пошли, что под владельца «ЭлитСтроя» сейчас активно копают. Следственный комитет, прокуратура – все на ушах стоят после вчерашнего события. Вы же слышали? Прокурора Сабирова вчера полностью оправдали.

— Кто же не слышал? Город взрывается от этой новости, — гроыхает за моей спиной будущая Васькина воспитательница Инесса Борисовна, которую вызвали в кабинет, чтобы я с ней познакомилась. — Но скажу вам, девочки, я всегда знала, что Сабирова осудили за то, чего он не совершал. А вот владелец «ЭлитСтроя» мерзавец еще тот. Скользкий тип. С ним надо держать ухо востро. К гадалке не ходи, он свою жену и упек в тот притон, думал, не найдут.

Я прячу взгляд. Не хочу, чтобы видели мое волнение.

— Надеюсь, до риэлтерского отдела не дойдет, — произношу тихо.

— Ну, если что, приходите к нам. Возьмем вас в свой дружный коллектив, — улыбается мне заведующая. — С понедельника дочку вашу ждем. Сейчас Инесса Борисовна проведет вас в группу, все покажет, а вы ей сразу расскажете об особенностях характера вашей Василисы.

Я киваю. Вроде все хорошо.

Воспитательница Инесса Борисовна устраивает для меня целую экскурсию. Показывает столовую зону, игральную и спальню.

— В понедельник к семи тридцати будем ждать вашу красавицу Василису, — напутствует меня она в раздевалке, где для Васьки уже выделен ящик под одежду.

— Спасибо вам огромное, — Я с благодарностью смотрю на нее.

Выхожу из садика окрыленная надеждой. Васька пристроена, значит, я смогу работать.

Направляюсь в «ЭлитСтрой», в отдел кадров. Волнуюсь. Все еще свежи воспоминания о травле, которой меня подвергли три года назад.

На мое счастье, там новые сотрудники. Никто со мной не знаком.

Место мое так за мной и числится.

— С понедельника ждем вас на рабочем месте, — улыбаются мне. Возвращают документы.

Кажется, даже дышать стало легче. Как же хорошо, что персонал за три года поменялся!

Выхожу на улицу. Смотрю на часы. Начало двенадцатого. Сжимаю сумку. Принимаю решение заглянуть к Марату. В самом деле, ему надо знать, что у него растет дочь! И пусть мы в разводе, но ребенок не виноват.

Вот и знакомый подъезд. Мне так страшно, что зуб на зуб не попадает.

Захожу внутрь, натыкаюсь на консьержа, Маргариту. Три года прошло, а консьерж все та же! Любопытная дамочка, сколько помню, всегда свой нос повсюду совала.

Поднимаю воротник пальто, пытаюсь пройти незамеченной к лифтам.

— Надежда? Ты, что ли? — слышу изумленное.

Притормаживаю. Оборачиваюсь. Улыбаюсь натянуто.

— Я.

— Помирились с мужем? — охает она.

— Нет. Я на минутку, по делу.

— А-а-а, понятно.

К счастью, лифт быстро распахивает свои двери. Я ныряю внутрь и нажимаю нужный этаж.

Ох, как же мне страшно! Извелась я вся в ожидании встречи. Хочу в глаза Марату посмотреть. Увидеть. Запах его почувствовать, такой близкий и родной. Хочу этого так сильно, что сводит скулы. О том, чтобы прижаться к Марату, я даже не мечтаю. Надеюсь, он меня поймет. Верю, что захочет дочку увидеть. Что полюбит ее. Ваську же невозможно не любить...

Вот и наша с Маратом квартира. Ничего не изменилось. Та же дверь, тот же замок.

Выдыхаю. Поднимаю руку и робко стучусь. Сердце набатом гроыхает в висках. Все тело пронизывает дрожь предвкушения.

Слышу щелчок. Замок поворачивается.

Набираю в грудь воздуха.

— Марат, я...

Осекаюсь. Передо мной стоит Амалия, моя подруга. За ее спиной шумит пылесос.

Она удивленно приподнимает бровь.

— Надя?

Поворачивается вглубь квартиры. Приказывает:

— Девочки, потише, пожалуйста!

Уборочный инвентарь стихает, а у меня обрывается сердце. Оно летит вниз и больно бьется обо что-то твердое. Разлетается на тысячу осколков. Я вдруг понимаю, что в моей квартире отныне царит другая хозяйка. Шах и мат, Надежда. Амалия тебя обставила.

— Надо же, сколько лет, сколько зим... — бывшая подруга скользит по мне заинтересованным взглядом. Останавливается на ногтях без яркого маникюра, небрежно про себя ухмыляется.

Я молчу. Даже слов подобрать не могу, чтобы начать с ней разговор. Да и нужен ли он?

— Ты к Марату?

— К нему, — киваю сдержанно, прожигая ее взглядом.

— А его нет. Он с утра по делам уехал. До вечера вряд ли вернется, — она ослепительно улыбается. — У него теперь насыщенная жизнь. И в профессиональном, и в личном плане. Ну ты и сама все понимаешь, да? Так что вряд ли в этой бурной жизни найдется место для бывшей жены, которая кувыркалась с его братом.

Меня, будто обухом по голове. Разворачиваюсь и резко иду обратно к лифтам. Трясет, как в лихорадке. Снова всплывает вся эта травля, усмешки за моей спиной.

«Какая же я глупая... Решила сама к нему поехать... навести на свою голову!» — проклиная себя в ожидании лифта.

Амалия стоит, подбоченившись, у приоткрытой двери. Улыбается мне с какой-то жалостью, а мне тошно от ее приторных духов из дорогого магазина, от брендовых шмоток и яркого лоска. Я против нее – серая мышка-замухрышка. Слабая и жалкая.

Хорошо, что лифт снова не подводит. Я врываюсь в него, как в спасение от яркой хищницы, которая уже успела пустить корни в моей квартире.

«Чтобы я еще раз сунулась к Марату? Да ни за что на свете!» — истерю мысленно. Прикрываю рот ладонью. Как же больно. Как гадко...

Несусь к выходу со скоростью света.

— Надя, ты что-то быстро? — слышу голос консьержа Маргариты. Сталкиваюсь с ее пытливым взглядом из-под очков.

— Забудьте! — выдыхаю резко и толкаю дверь плечом.

Вот и свобода. Свежий воздух. Я бегу по успевшим подтаять дорожкам прочь от дома, который когда-то был приютом двух любящих сердец – Марата и Нади Сабировых. И сердце снова в клочья. На разрыв...

Глава 12. Марат

Утро проходит, как в тумане. Мне не верится, что еще вчера я был за решеткой, а сегодня в девять иду по просторным коридорам здания городской прокуратуры. А самое страшное – вчера я умудрился потерять ключи от квартиры. Садился в машину вместе с Амалией, ключи точно были в барсетке. А когда такси подбросило к подъезду пару часов спустя, я обнаружил, что их нет. Хорошо, конечно, что я мастер на все руки, замки умею вскрывать, и дома нашлась запасная пара ключей. Но по любому сегодня во второй половине дня придется ставить новый замок. Потому что неизвестно, у кого в руках могли оказаться мои ключи и что за этим может последовать.

Прокурор Алексей Викторович Минаев принимает меня в своем кабинете.

— Марат Григорьевич, рад видеть, — торжественно произносит он. Крепко пожимает мне руку, указывает на кресло для посетителей, что стоит у другого конца стола.

Я ощущаю напряжение. Двойственное состояние никак не хочет меня оставить. Наверное, мне нужно время, чтобы привыкнуть к тому, что меня больше не считают преступником. И кажется, Минаев это понимает.

— В общем, не будем ходить вокруг да около. Мы здесь все свои люди, Марат. Вышла чудовищная ошибка, и мы хотим вернуть тебя на работу. Чтобы вернуться в наши ряды, потребуется пройти переаттестацию. Что касается доверия к тебе со стороны личного состава и общества, то здесь все в порядке.

Чтобы пройти переаттестацию, спуститесь в отдел кадров, там все быстро оформят, я еще со вчерашнего дня оставил особое распоряжение. А пока идет процесс переоформления, я хочу тебе кое-что предложить. Дело, над которым вы работали три года назад, снова открыто. В одном из домов, возведенных «ЭлитСтроем», просел фундамент, он под угрозой обрушения. Следственный комитет и прокуратура проводят проверку по факту строительства многоэтажного дома, который ввели в эксплуатацию три года назад.

В кабинете виснет напряжение. Я застываю в кресле. Чувствую, как першит в горле. Не могу поверить, что возвращаюсь к тому, на чем остановился три года назад.

Минаев берет со стола папку, протягивает мне.

— Пока поработаешь в следственном отделе, а там будет видно. Вот, ознакомишься с основными нарушениями, которые были выявлены в ходе нового расследования. Уверен, ты будешь нам полезен. Вместе мы наконец прижмем виноватых, и они понесут наказание.

Я сдержанно киваю.

— Спасибо за оказанное доверие.

Он шумно выдыхает. Проводит по волосам ладонью.

— Да не за что нам спасибо говорить, Марат! Я до сих пор себя простить не могу за то, что мы тебя упустили! Как так вышло, что ты три года без вины виноватый провел за решеткой?

Я смотрю прямо перед собой. Чувствую, как от напряжения сводит скулы.

— Уже ничего не исправить. Но я безмерно благодарен за шанс вернуться в профессию. С работой следственного комитета я хорошо знаком. Готов приступить хоть сегодня.

Минаев поднимается со своего места. Понимающе кивает.

— Добро пожаловать обратно, Марат.

Я шумно выдыхаю. Покидаю кабинет прокурора с чувством удовлетворения. Отныне у меня нет ничего – только работа.

В отделе кадров я провожу почти час. Дотошные они, все перепроверяют, обновляют данные. После этого я иду в кабинет к помощнику прокурора, Диане Ветлицкой.

Вот кто рад моему возвращению по-настоящему. Диана все такая же – стройная, гибкая брюнетка. Ей все также к лицу форма. Она даже стрижку не сменила. Короткие волосы и не подумала отрастить.

— Марат, ну, наконец ты снова среди нас, — Диана отодвигает от себя ноутбук, поднимается мне навстречу. — Кофе будешь? У меня есть растворимый.

Я отрицательно качаю головой.

— Кофе не надо. Лучше скажи, у тебя онлайн доступ к базе данных имеется? Жену хочу найти. Три года назад развелись, а куда она переехала, не знаю.

— Может, к родным?

— Нет у нее родных, Диана. Мать давно умерла, отчим тоже.

Та понятливо кивает.

— Выясним. Ты мне все данные ее скинь – рост, вес, описание внешности, имя и девичью фамилию. В общем, все, что есть. Подождешь в моем кабинете, а я схожу к девочкам на первый этаж, попытаюсь пробить по базе данных.

Работа аналитического отдела занимает около получаса. Я меряю шагами кабинет Ветлицкой. Чувствую странное напряжение. Решение разыскать Надю никуда не делось. Сейчас, когда стресс от нелепого обвинения сошел на нет, я очень хочу с ней увидеться.

Диана наконец возвращается. Протягивает мне файл с информацией.

— А Надя твоя фамилию сменила, — улыбается невесело. — И еще у нее ребенок есть. Ты знал?

Я напряженно сглатываю.

— Дочка или сын? — интересуюсь глухо, а сам едва дышу.

Диана пронизывает меня острым взглядом.

— Дочка. Василиса. Скоро три годика исполнится. Марат, а ты у нас случайно не папа? По срокам все сходится.

Глава 13. Марат

Меня бросает в жар. Если бы я знал, кто отец, я бы не мучался в неведении.

— Мне не потрудились сообщить. Так что для меня загадка, кто отец ребенка.

Диана потирает тонкую переносицу.

— Странно, конечно. Даже если вы развелись, о ребенке жена должна была тебе сказать.

— То-то и оно. Ладно, спасибо за помощь, Диана. Буду должен.

— Не смейся, Марат. Я от чистого сердца оказала тебе услугу. Ты мне ничегошеньки не должен. Спасибо, что вернулся. Тебя не хватало.

Я невесело улыбаюсь.

— Тебе спасибо, что позвонила вчера. Хоть немного сориентировала в том хаосе, который творится в моей жизни.

Я выхожу из здания прокуратуры, сажусь в свою машину. Пробегаюсь глазами по информации, которую мне любезно предоставила Ветлицкая.

Надя взяла фамилию Стоянова. И дочку под ней записала. Это фамилия ее отчима. Адрес, по которому она теперь прописана вместе с ребенком, мне неизвестен. Но судя по информации, которую выдал аналитический отдел, квартира когда-то принадлежала ее отчиму. Надя вступила в права наследования уже после нашего с ней развода.

Так или иначе, а мне надо с ней увидеться. Пусть в глаза мне посмотрит и скажет, что ребенок не мой.

Я медленно завожу машину. Вбиваю адрес в навигатор.

Вот и завод, на котором, судя по всему, работал отчим Нади. Огромное здание, которое было отстроено еще при советской власти. Монумент, не иначе. Оплот ушедшей эпохи. Такие предприятия не тонут. Конечно, и город не красят, но зато рабочие места дают.

Через квартал от завода тот самый ЖК, что завод строил в начале девяностых. Там, судя по всему, и ютится моя бывшая жена.

Я поднимаюсь на нужный этаж. Сердце колотится под ребрами. Никак не могу успокоиться. Волнительно увидеть любимую женщину три года спустя, после оглушительной новости про измену и быстрого развода.

Звоню в дверь. Звоню снова и снова. Никто не открывает.

Из соседней квартиры выглядывает полная женщина бальзаковского возраста.

Смотрит на меня весьма подозрительно.

— Вы к кому, мужчина? — интересуется строго, прищулив один глаз.

Я сканирую ее взглядом.

— Я к Надежде. По важному вопросу, — чеканю так сурово, что она нервно сглатывает.
— А вы соседка?

Она кивает.

— Соседка, да...

Я хочу спросить что-то еще, как вдруг у нее из-за спины высовывает нос маленькая пуговка. Я детей никогда близко не видел, но эта... особенная. И глаза васильковые, как у Нади. Мне аж нехорошо становится, так сильно эти любопытные глазки похожи на глаза моей жены.

— А вы по какому вопросу? — нараспев интересуется малая, а сама жадно меня рассматривает. Пытается строго хмурить бровки.

— Васька, а ну, иди в комнату! — шикает на девчушку соседка. — Нечего свой любопытный нос, куда не попадая, совать.

Я смотрю на ребенка. Никак не могу себя заставить оторвать взгляд. Васька. Ну, конечно, это и есть Надина дочка Василиса. Чувствую, что мне резко начинает не хватать воздуха.

— Надежды нет дома, — заталкивая девочку обратно в квартиру, поясняет соседка. — Она уехала по делам. Но вы скажите, что ей передать. Я обязательно передам.

Качаю головой.

— Нет, спасибо. Ничего не надо передавать. Я в следующий раз зайду.

Стремительно спускаюсь вниз по лестнице. На миг оборачиваюсь. Соседка успевает подхватить девочку на руки, и они вместе сверлят меня любопытными взглядами.

Я иду вниз, а у самого сердца не на месте. Надина дочка произвела на меня впечатление. Как будто... моя она. И уходить не хочется. Наоборот, хочется вернуться. Постучать в дверь грозной соседке, взять малышку на руки и познакомиться с ней поближе.

Мысли роятся в голове, одна хуже другой.

Ловлю себя на мысли, что предательски хочу оказаться родным отцом этой девочки. Как странно увидеть ребенка с глазами как у Нади. Эти васильковые глаза как будто в один миг вырвали у меня кусок сердца. И имя Василиса – идеально подходит этой девчужке. Я бы по-другому свою дочь и не назвал.

Вот и улица. В лицо бьет ледяной ветер, солнце слепит глаза.

Я ныряю на водительское сиденье своей машины и закрываю лицо руками.

Я не видел Надю, но я встретил ее дочку. И весь мой мир перевернулся. Такое чувство, будто меня резко забросило в штормящее море, где неистовые волны эмоций грозятся захлестнуть с головой. Горечь воспоминаний сжигает меня изнутри. Спустя три года забвения Надя так и осталась для меня той самой женщиной, которую я любил всем сердцем.

Жаль, что мы с ней не увиделись. Это означает только одно - мне придется заехать еще раз. "Может, на выходных?" - размышляю невесело. А в голову уже лезут предательские мысли о том, что можно купить в подарок маленькой девочке по имени Василиса. Тут у меня ступор. Ума не приложу, чем интересуются любопытные пуговицы с васильковыми глазами.

Я медленно еду в сторону своего жилкомплекса. Вспоминаю про замену замка на двери и сворачиваю в магазин «Все для дома». Пока выбираю новый замок, понемногу успокаиваюсь, прихожу в себя.

Паркуюсь возле подъезда, выхожу из машины.

Вспоминаю, что забыл заехать в супермаркет за продуктами. Но настроение на нуле, не хочется мне никуда идти.

Лучше заказать доставку.

Захожу в подъезд. Консьерж Маргарита посматривает на меня из-под очков. Как-то странно посматривает. Не могу понять, что не так. Может, пальто испачкал? Осматриваю лацканы по дороге к лифту. Нет, все чисто.

— Кхм, кхм! — громко прочищает горло Маргарита, вынуждая меня обернуться.

— Марат Григорьевич, у меня к вам претензия, — обращается ко мне официальным тоном.

Удивленно приподнимаю бровь.

— Я, конечно, понимаю, что вы человек в городе известный, но это не значит, что из нашего дома надо делать бордель, — недовольно поджав губы, продолжает она.

***

— Бордель? О чем это вы? — хмурюсь. Пронизываю ее колючим взглядом, подхожу ближе.

— Я понимаю: вы мужчина видный, привлекательный. Но сразу с двумя шашни крутить – это мужчину не красит.

— Какие шашни?

— Сначала брюнетка эта прошествовала к вам наверх с целой командой уборщиц, следом жена ваша бывшая. Вы их что, коллекционируете?

Я притормаживаю. Резко подаюсь вперед.

— Надя приходила? Вы уверены, что это была она?

Консьерж могла запросто ошибиться. Все же, три года прошло.

Маргарита закатывает глаза.

— Я? Обозналась? Да за кого вы меня принимаете?

Шумно дышит. Аж пятнами красными покрывается от негодования.

— Приходила ваша бывшая, приходила. Я ее узнала. Еще спросила, помирились вы с ней, или нет. А она сказала, что к вам по делу.

Чувствую, как что-то сжимается в груди. Значит, пока я Надю у нее дома искал, она ко мне приходила? Что за невезенье...

— А про брюнетку вы что сказали?

— Пришла с видом хозяйки вашей квартиры, протащила целую бригаду уборщиц. Боюсь, и жену вашу встретила. Та пулей отсюда вылетела.

Я шумно втягиваю грудью воздух. Кажется, я знаю, о ком речь. Вот и ответ, куда делись мои ключи.

— А брюнетка еще в квартире?

— Ха, конечно! Боюсь, эта к вам надолго. Не успеете оглянуться, в загсе окажетесь.

— Спасибо, Маргарита. Про загс, вы, конечно, перегибаете. Уверю вас, моя не званная гостья просто ошиблась квартирой. В любом случае такого больше не повторится.

Достаю мобильник, набираю Румянцева.

— О, Марат! Я как раз собирался тебе звонить, — оживляется друг. — Ксюша сегодня на ужин приглашает. Наготовила в честь твоего освобождения вкусностей, ммм!

— Глеб, у тебя антижучок есть? — перебиваю майора.

— Обижает, у меня их в машине две штуки лежит.

— Бери их и срочно приезжай. Наручники не забудь.

— А что случилось-то?

— Помнишь, я вчера сетовал, что у меня ключи потерялись? Так вот, не потерялись. Короче, тащись сюда. Барабашка у меня завелся. Вернее, завелась.

Румянцев смешливо фыркает.

— И ноги у нее красивые, из ушей растут? И шуба дорогушая, до самых пят? Кажется, я знаю, о ком идет речь.

— Давай скорее, Глеб. Не до шуток тут. Надо застукать девицу на месте преступления. Предъявим ей кражу со взломом, чтобы больше не смела соваться.

— Понял тебя. Но в городе пробки... А, ладно, на служебной машине прокачусь. Заодно и сирену проверю. Скоро буду.

Я выхожу из подъезда. Обхожу дом с другой стороны, заглядываю в окна квартиры. Округляю глаза. Твою ж мать, а там гардины новые! И окна сверкают так, будто новые стекла вставили. Ну, не дать не взять, «Школа ремонта» с канала ТНТ приехала...

Глава 14. Марат

Румянцев не задерживается. Сирену врубает сразу, воеет она так громко, что с другой стороны проспекта слышно.

Я тороплюсь обратно к подъезду.

Глеб, конечно, сирену выключает, как только оказывается рядом с моим домом. Паркует лихо служебную машину, и я замечаю на заднем сиденье двоих крепких оперов.

Сам Румянцев выбирается из машины, жмет мне руку.

— Что там у вас, Марат Григорьевич? Барабашка в квартире завелся? — весело переглядываются опера.

Я скептически ухмыляюсь. Выбрасываю сигарету.

— Там такой барабашка, вам и не снилось. Давайте, ребята. За дело.

Опергруппа готова к задержанию. Достают пистолеты, наручники наготове. Румянцев идет последним, в руке спортивная сумка с инвентарем.

Дверь моей квартиры заперта. Только запах вкусного жаркого разливается по лестничной клетке. Та-а-акой аромат, что мужики слюни сглатывают.

— А барабашка еще и повар? — шепотом интересуется у меня Глеб.

Я развожу руками. Не в курсе я, что за повар затаился в моей квартире.

— Блин, жрать охота, — шепчет один из оперов.

Я хмурюсь.

— Шас барабашку увидишь, еще и секса захочется.

— Да ладно, — мужики недоверчиво переглядываются.

А дальше, как в кино. Мощным ударом плеча выбивается дверь, вваливаемся в прихожую.

— Марат, это ты? — раздается из кухни приветливое. — Сюрприз-из!
Через мгновение перед нами появляется Амалия. Такая миловидная хозяйюшка в простеньком платье миди и фартуке в горошек поверх него. Волосы завиты красивыми локонами, вся сияет. Картинка, а не девушка. "Женись на мне, не пожалеешь!" - кричит всем своим видом.

Только у оперативников задача – поймать и обезвредить. На мгновение их сбивает с толка ее образ, но лишь на доли секунды.

Амалию толкают к стене, быстро заламывают руки за спину, надевают наручники.

— Это... вы... за что? — изумленно выкрикивает она. С недоумением на меня таращится своими ярко накрашенными глазами.

— Проникновение со взломом, статья сто тридцать девятая, часть первая: проникновение допускается только в целях спасения жизни граждан и (или) их имущества, обеспечения их личной безопасности или общественной безопасности при аварийных ситуациях, стихийных бедствиях, катастрофах... — отодвинув меня в сторону, монотонно тараторит Румянцев.

— Это какая-то ошибка! — перебивает его моя гостья. — Я просто пришла, чтобы помочь. Вы здесь вчера были? Здесь находиться невозможно – пыль, грязь повсюду! А я и обед приготовила, и клининг оплатила!

— Давайте, ребята, оформляйте, — Румянцев срывает с вешалки шубу и накидывает красотке на плечи. — Везите в участок, там разберетесь.

Амалия начинает осознавать, что мы не шутим. В глазах плещется отчаяние.

— Марат, ты... так нельзя! Я лишь хотела привести здесь все в порядок! Сюрприз тебе сделала, а ты...

Я сканирую ее нехорошим взглядом.

— Вот именно, нельзя. Проникнуть в помещение без разрешения владельца – нарушить закон. Ты нарушила закон, Амалия.

Парни выводят ее на лестничную клетку. Она оборачивается. Пытается вырваться.

— Марат! Что за нелепая шутка?! Я ведь тебя ждала! Думала, ты обрадуешься! — начинает истерику. — Я думала, мы друзья...

Я равнодушно смотрю на нее.

— Запомни: я не люблю сюрпризы, — произношу холодно.

Румянцев закрывает дверь. Я снимаю пальто и обувь.

— Доставай свой инвентарь, — кивком указываю на его спортивную сумку. — Будем жучки искать.

Глеб кивает. Разуваается за мной следом, расстегивает короткую спортивную куртку. Со знанием дела выуживает аппаратуру для обнаружения прослушки.

— Та-а-акс, что тут у нас?

Он медленно двигается по квартире, метр за метром.

Я иду за ним следом. Морщусь – квартиру не узнать. В гостиной новые гардины, в спальне – свежее постельное белье и новое покрывало. Пахнет чистотой и цитрусовыми. А еще вкусной стряпней.

Аппаратура начинает издавать характерный звук над кроватью в спальне.

На прикроватной тумбе в рамке стоит фотография. Наша с Надей свадьба. Она в белом платье и фате, я в костюме. Смеемся, смотрим в глаза друг другу. И так много счастья запечатлено на наших лицах, что мне становится нехорошо.

Глеб подхватывает рамку и быстро вскрывает.

— Опачки! А подружка-то твоя не просто так приходила, — он с победным видом извлекает из рамки жучок. Передает мне обратно очищенную от прослушки фотографию.

— Кто бы сомневался, — бурчу уग्रом.

А сам смотрю на фотографию. Эхо прошлого отзывается болью в груди. Пытаюсь собрать рамку обратно, и стекло дает трещину. Меня ведет.

Эту боль не вытравить. Не заглушить, не задавить. Никак от нее не избавиться.

— Марат, лови второй, нашел его в гостиной, — у меня перед глазами маячит еще один жучок. Румянцев хвастается добычей. — Так что, девочка твоя, скорее всего, по заданию брата приходила. Вроде как под видом влюбленной дуручки, а на самом деле... ну, ты сам все понимаешь.

Я возвращаюсь в реальность.

Друг понимающе кивает на фото.

— Все никак не можешь забыть Надю?

Я сглатываю напряженный ком в горле.

— Я сегодня видел ее дочь, — произношу потерянно.

Глеб хмурится.

— Ты же понимаешь, что девочка может быть не твоей?

От слов друга становится очень больно.

— Я все понимаю, Глеб, — произношу глухо. — Только дочка Нади с того мгновения, как я ее увидел, не идет у меня из головы. А самое страшное, знаешь, в чем? Мне плевать, моя она, или не моя. Они обе мне нужны. Никогда я так сильно не нуждался в своей семье, как сейчас.

Румянцев вздыхает.

— Я не знаю, что сказать, Марат. То, как она вела себя на том видео, что слили в сеть... я сто раз прогонял запись. Пытался найти несоответствия, но их нет! Ты должен понимать: возможно, в тот день Надя действительно изменила тебе с Дамиром.

— А если ее заставили, Глеб? — вырывается у меня. — Заранее установили камеры, а потом...

— Даже если ее заставили, ребенок может быть не от тебя. Не тешь себя глупыми надеждами. Будь реалистом, Марат.

Я медленно ставлю рамку на место. Слова Румянцева – будто острый нож, пронизывают сердце насквозь. А трещина на стекле, как будто подтверждает сказанное. За что Надя со мной так? Почему в тот день пошла к Дамиру?

Вопросов много, но прошлое не изменить. Не склеить нашу разбитую семью.

«Неужели малышка не моя?» — мелькает горькая мысль.

Глава 15. Надя

Вот и завод, на котором всю жизнь проработал отчим. Через квартал жилкомплекс, в котором я живу уже три года.

Вернее, выживаю. Ведь с тех пор, как я ушла в декрет, я осталась один на один с суровой реальностью. Без денег, без связей, вычеркнутая из всевозможных списков, я упала на самое дно.

Когда-то у меня была семья. Мать, отчим, сводная сестра Лиза, с которой мы были погодками. Мама рано умерла, отчим заработал на заводе рак легких. Он курил очень много, вот и сгорел, как спичка. А Лиза пропала с радаров. После окончания школы уехала в столицу, и связь с ней оборвалась. Теплых отношений у нас с сестрой никогда не было. Я пыталась ее разыскать, когда подавала на право наследования квартиры отчима, но ничего не вышло. Так и живу одна с дочкой.

Торопливо перехожу через дорогу. Сегодня мне особенно тяжело эмоционально. Ведь сегодня я встретила с новой реальностью. А в ней все еще хуже, чем раньше. Нет ничего более мерзкого, чем застать в своей бывшей квартире новую хозяйку, которую когда-то считала подругой.

Как же больно! Не могу, не могу, не могу... ну почему она? Почему Марат выбрал ее для новой жизни?! Если бы это был кто-то другой, я бы смогла смириться, но Амалия... Муж всадил мне нож в сердце своим выбором, и как с этим дальше жить, я не знаю.

«Надо смириться и идти вперед. Мне теперь есть, для кого жить и достигать. Марат развелся со мной, но он оставил мне подарок, дорожке которого нет ничего на свете. А с материальными проблемами я как-нибудь справлюсь. Васька подросла, самое страшное позади. Она пойдет в садик, а я впрягусь и буду работать ради нас обеих», — уговариваю себя.

Я поднимаюсь по лестнице вверх, стучу в дверь квартиры Варвары. Та не заставляет себя ждать, быстро отпирает дверь.

Я улыбаюсь.

— Привет. Я вернулась!

Варвара настороженно на меня посматривает.

— И что? Как все прошло? — Отлично прошло. С понедельника Ваську ждут в детсаду. Буду тебе должна, Варь, — волнуюсь, рассказываю сбивчиво.

— Мама! Мамоська плишла-а-а! — орет во все горло Василиса и радостно прыгает по прихожей.

— Пришла, конечно. А ты, наверное, тетю Варю успела утомить своими капризами? — строго посматриваю на дочь.

Та выкатывает свои васильковые глазищи.

— Я? Не-е-ет, ты сто, мамоська?! Как мозьно?

Варвара украдкой смеется.

— Собирай игрушки, домой пойдем, — подталкиваю я дочку к небольшой гостинной.

Мы с Варей помогаем Василисе собрать игрушки, карандаши и книжки в маленький розовый рюкзак с единорогом.

— Мам, а к тебе дядя приходил, — загадочно сообщает Васька. Посматривает на меня подозрительно. — У тебя, сто, жених есть?

— Какой еще жених? — торопю я. — Ва-а-а-рь? Что тут произошло в мое отсутствие? Варвара неопределенно машет рукой.

— Ой, приходил какой-то мужик. Тебя спрашивал. Наверное, из горгаза или из водоканала. Они вечно тут ходят, топчутся, просят в квартиру пустить, на счетчик взглянуть, а потом

кошельки пропадают. Уверена, это домушник был. Высматривал, чьи квартиры без присмотра, чтобы обчистить.

Я скептически усмехаюсь.

— Уж у меня в квартире точно нечего взять. Разве что старый ноутбук, так за него ничего не дадут.

— Домусник? — Василиса с интересом произносит новое слово.

— Домушник, домушник. На роже бандитской написано: «Хочу украсть у вас ваше имущество»! — поддакивает ей Варвара.

Васька прижимает к груди свой розовый рюкзак.

— Не дам укласть! — тараторит испуганно.

— Смешные вы, девочки, — я недоверчиво посматриваю на них. — Может, он действительно из горгаза? А вы сразу наговариваете.

— Нее, у меня глаз на таких наметан, — убедительно кивает Варвара.

— Домусник, — Василиса кивает ей в тон. — Тосьно, укласть денеску хотел.

Я надеваю рюкзак Василисе на плечи. Она у нас самостоятельная. Сама свое добро домой несет.

Оборачиваюсь к Варваре.

— Ладно, Варь, до вечера, спасибо за помощь. Твоя поддержка бесценна.

— До вечера, Надь, — кивает та.

Вечером у меня договоренность с другой соседкой. Аня с нижнего этажа за пятьсот рублей берется посидеть с Василисой, пока я иду на работу в ночную смену. Если повезет, сегодня с нами расплатятся за месяц ночных дежурств в столовой. Денег должно хватить, чтобы протянуть до первой зарплаты в «ЭлитСтрое».

Я веду Василису домой, а у самой в душе все кипит. Не могу смириться, что у Марата теперь другая жизнь. И надо же, как быстро с Амалией все у него наладилось... А меня, наверное, забыл. Вычеркнул три года назад и не вспоминает. Зря я к нему поехала сегодня. Ни к чему было унижаться.

Только свою слабость в очередной раз бывшей подруге показала. Они с Маратом еще вместе надо мной посмеются за ужином.

Укладываю Ваську на дневной сон, а сама завариваю зеленый чай в большой кружке и сажусь за ноутбук. С понедельника у нас с дочкой начнется новая жизнь. Надо подготовиться. Просматриваю список покупок, который выдали в детском саду. Маечки – белая и черная, две пары чешек, сменное белье, колготки. Это только вершина айсберга.

Если сегодня на заводе заплатят, поведу завтра Василису в торговый центр, купим ей обновки для детского садика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.